

них компетентен лишь сам бог. Опытная наука прорефлексирована в предметном уме *Оксфордца*, для которого вещь выступает как конструктивный материал, а мироздание — как *священный текст*. Именно на этом пути «нарабатывается» наблюдаемая эмпирия — опять-таки для науки нового времени.

Но только алхимик интуитивно-дилетантским образом в пародирующем раже преодолевает столь полярные несходства двуипостасного метода рефлексирующего ума средневекового человека, бьющегося над познанием сущего. Алхимик — и садовник-практик, и элоквент-схоласт одновременно. Для него текст предстает как мироздание и Все (и слово и вещь) — как конструктивный материал. Конструируется образ целой космогонии (конечно же, под видом христианского образа), но в терминах и фактуре технохимической эмпирии златоделия. Правда, дается этот образ нерелексированно, в виде заклинаний. Имя и вещь слиты. Адепту герметического искусства ничего не стоит, например, сказать так: «*Возьми, сын мой, две унции серы и три унции злости. Отмой, прокали, разотри, раствори...*» Это и есть тот самый алхимический монстр, собственным существованием как бы разрешающий спор о кроте и его глазах. В *аристотелевских* началах алхимик видит, конечно, то, что видел и *Аристотель*, но вдобавок и нечто иное — вещественное, демиургически преобразуемое. *Аристотелева вода* (мы это уже видели) у алхимиков есть знак *холодного и влажного*, но вместе с тем и та *вода*, которую можно пить, и «*крепкая водка*», и *царская водка*. Не потому ли *аристотелевские* начала-стихи в алхимии обретают эмпирическую предметность, выстраиваясь в алхимическую триаду: *ртуть, серу и соль*, хотя все еще в «*принципиальные*» *ртуть, серу и соль*.

Итак, вопрос о том, есть ли все-таки у крота глаза, в алхимии через ряд опосредований, уводящих, конечно, от прямого ответа на этот неумолимый вопрос, оборачивается проблемой тождества оперирования с веществом и универсального конструирования, отправляющегося от вещества (или его видимых эквивалентов).

Понятно, что алхимик лишь кажущимся образом одолевает коллизию *Фома и Альберт — Садовник*. Потребно длительное, трансформирующее друг друга взаимодействие этих трех фундаментальных гносеологических направлений-традиций европейского средневековья. И лишь тогда *experientia* как *опытность, знание* и алхимический *experimentum* как *проба, опыт*, встретившись, приведут к подлинно научному эксперименту, науке нового времени, научной химии ⁴⁴.

⁴⁴ Ясно, что эти изменения — лишь следствие коренных социальных преобразований в сфере производства, в культуре в целом. Меня же интересует историологическое движение предмета, способное выявить существенные механизмы исторических социокультурных изменений. В связи с этим обращаю Ваше внимание и на иной исторический итог — на этот раз не в природознании, а в человекознании: *modus operandi* и *modus cogitandi* слились в ренессансный *modus vivendi* истового средневекового послушника. Но это уже совсем другая история.